

Блоковская «Прекрасная Дама» в прозе В. Набокова и Саши Соколова

Котова Анна Владимировна

Магистрантка Белорусского государственного университета, Минск, Белоруссия

Заемствованная у А. Блока ведущая лирическая тема Встречи с Прекрасной Дамой претерпевает у В. Набокова существенные метаморфозы, выворачивается, иронически подсвечивается. В эту ироническую тенденцию после Набокова органично выписывается другой представитель русской литературной эмиграции – Саша Соколов в романе «Школа для дураков».

З.Г. Минц пишет, что в «Стихах о Прекрасной Даме» душа поэта в радостном предчувствии ждет посланницу «миров иных» [Минц: 26], в то время как в «Других берегах» маленький герой, наоборот, надеется, что Mademoiselle (так и не ставшая Дамой) не доедет, и «старая Робинсон, которой он не терпит», кажется ему «все лучше неизвестной француженки» [Набоков: 72]. И если у Блока герой сам ищет желанную Прекрасную Даму и приходит к ее терему, то у Набокова, напротив, нежеланная Mademoiselle приезжает сама, а у Соколова «является дама, интересуясь: ну что, нету ли среди вас, которого я ищу» [Соколов: 5]. Так иронически подсвечивается, насыщается пародийными эффектами символистское стремление разыграть в реальной жизни сценарии мистических грез. У Блока «Она» задает тип отношения, от «Нее» зависит характер героя, воспринимаемый как вторичный, производный от чувств Прекрасной Дамы [Минц: 25], а у Набокова и Соколова эту роль берет на себя Он.

В. Набоков развенчивает блоковский мистицизм: «Mademoiselle подалась всем корпусом назад – это дернулись сани, вырываясь из мира вещей и плоти, чтобы плавно потечь прочь, едва касаясь отрешенной от трения снежной стези» [Набоков: 70]. Мистико-идеалистические образы спародированы в квадрате: во-первых, их свойства отнесены к обыденным предметам, во-вторых, эти предметы непосредственно связаны (сани, стезя) с землей – антагонистом неба.

У Саши Соколова мистицизм образа Дамы («стояла Орина бела да ясна, словно шашка в сияньи месяца») контрастирует с реалистичными прозаизмами: «мне не терпелось скорее узнать, что там было у нее да с кем, да когда, то есть выведать ее подноготную» [Соколов: 17].

Прекрасная Дама в символистской традиции «в час полночной темноты» «горит алмазом», путеводной звездой, она является спасительницей от ночных страхов: «дочь блаженной стороны / Из родимого чертога / Гонит призрачные сны». У Набокова значение этой путеводности снижено реальностью происходящего. Герой «Других берегов» «всю жизнь засыпал с величайшим трудом и отвращением» [Набоков, 78], и свет вполне материальной свечи в комнате Mademoiselle прогонял «бархатный убийственный мрак» [Там же: 80]. Герой Соколова также страдает: «нету сна ни в одном глазу... Сумрак в пущу ... вошел, Это – тут приголубил, там – то» [Соколов, 49], но и ему спасительным светом светят плывущие над ним звезда «Орина-дурина и чадое Орион» [Там же: 138].

Герой Блока живет «смутной памятью сумрачных лет», «минувших дней молодые были» доверчиво приходят к нему из тьмы. Он бережно несет в себе образ своей Прекрасной Дамы. Героя Саши Соколовой точит «по Орине грусть» [Там же: 181], однако он «лярву свою навидит всем пропитым нутром квелым, а мозги с сопельками пополам из него вытекают и по робе стелются, и ветры их сушат» [Там же: 51]. И хотя его чувства сходны по силе с чувствами героя Блока, они нивелируются нарочито сниженной лексикой. Для героя Набокова образ его французской гувернантки вообще погибает в чужой среде, и он не знает, «удалось ли ему вызволить ее из его сочинений» [Набоков: 88]. Таким образом, Прекрасная Дама героя «Других берегов» потеряна для него, и Мнемозина умирает «в холодной комнате, на руках у беллетриста» [Там же: 68].

Мир Прекрасной Дамы – это мир ярких светоощущений и богатства красок (белый, синий, желтый, красный) [Минц: 24]. Эти краски (особенно в явлениях

природы) являются знаком Ее приближения: «Молодая, золотая, / Ярким солнцем залитая».

В «Других берегах» приезд Mademoiselle знаменуют гигантские синие сосульки, «дивное светило наводит глазурь на голубые колеи дороги, где каждый сверкающий ком снегу подчеркнут вспухнувшей тенью» [Набоков: 68], в дальнейшем ее сопровождает красный цвет (крово-красный капот и крыло птицы, с одним красным глазком, на шляпе), а герой смотрит на мир сквозь цветные стекла или рисует его карандашами, воспринимая этот мир хоть и во множестве красок, однако не в его первозданности, а опосредованно.

У Соколова Дама «бела да ясна», «озарена прекрасным светом» [Соколов: 135] горящих щепок и отработанных гильз. Ее образ не излучает свет, а освещен далеко не «высокими» предметами.

Образ Прекрасной Дамы оказался востребованным и в постсимволистскую эпоху и повлек ряд иронических эстетических трансформаций в художественных сознаниях В. Набокова и Саши Соколова.

Литература

Миц З.Г. Поэтика Александра Блока. СПб., 1999.

Набоков В. Другие берега: Роман, рассказы. М., 1999.

Соколов Саша. Школа для дураков. СПб., 2001.